

Евгений ХУДОБИН

*МЛЕЧНЫЙ
МОСТ*

Стихотворения

ЗЕМНЫЕ ИСТОКИ, НЕБЕСНЫЕ УСТЬЯ...

Убежден, биография поэта - это опора и сердцевина его творчества, источник, из которого он черпает силу духа и мысли. А источник этот - в его родове, в земле, которая вскормила и вспоила его как поэта.

Евгений Худобин - сибиряк. И корни его крепкие, таежные. Родился Евгений в Салаире, окруженном холмами с их дивными таежными пейзажами. С детства природа растила его, укрывала от непогод тяжелыми хвойными ветвями, поила студеной и быстротечной водой своих ручейков и рек, учила чистоте помыслов и мужеству поступков. В одном из своих стихотворений поэт скажет в разговоре с рекой такие слова:

*Одолев перевал, я на камни упал у реки,
И обрызганный солнцем, росой и рваной пеной,
Прохрипел, обессилев, в отчаянье сжав кулаки:*

Сколько лет ты, река, манишь сладкоголосой сиреной!

И река отвечала ему, напутствуя как старого друга, как родного сына:

*Не в кремнистое ложе тебя завлекаю - в полет,
Где забрежен простор, где туманы всегда бирюзовы.
Откликается тело на зов океанских широт,
Но восходит душа на иные - небесные - зовы.*

Река жизни. Река любви. Река надежды. Они сливаются в стихах Евгения в одну реку, и она несет его от истока по непростому и не гладкому руслу. Есть на ее пути и широкие плесы, и стремительные порожистые перекаты. Ее воды поэт наполняет то отблесками солнечного света, то синим омутовым холодом...

Евгений Худобин – человек, влюбленный в природу родного края. Он чувствует себя в ней не туристом, не праздным путешественником, а своим человеком. Пройдя прибрежными тропами, на лодках и плотах многие реки Кузбасса, он знает ее от самых малостей до крутых и глубинных ее проявлений. Знает не понаслышке населяющий ее живой мир. Заядлый рыбак, он нежадно искал свою добычу в горных разлогах и долинах Горной Шории, ловил в светлейших ручьях и речушках стремительного хариуса и грозу всей мелкой рыбешки – красавца-тайменя, варил на костре неповторимую рыбацкую уху, пахнущую горьковатым дымком костра. Он приходил к реке без браконьерских сетей, без громобойного ружья, а с легкой удочкой-«телескопом», и удача не обходила его стороной. И потому веришь этим строкам:

*Мы крылатую рыбу искали,
Пробиваясь в верховье реки,
И река свое тело о скалы
все кромсала, рвала на куски.
Но смыкались бессмертные воды,
Яро грызли кремнистое дно,
Чуя северный ветер свободы,
До которой идти суждено...*

Худобин – большой любитель авторской песни: играет на гитаре и порой свои стихотворные строчки соединяет с родившейся мелодией...

Евгений успел поработать во многих газетах Кузбасса – и рядовым газетчиком, и заместителем редактора, был собственным корреспондентом «Комсомольской правды» по Кузбассу. И все-таки главным своим призванием всегда считал и считает поэзию. Хотя к профессиональной работе над стихами Евгений пришел сравнительно поздно. Возможно, в этом «повинна» работа в газете, отнимавшая много времени.

И все-таки эта первая книжка поэта – не ученическая проба пера, а зрелая заявка на свое место в рабочем поэтическом цехе. Так пусть сопутствует Евгению Худобину добрая удача в этой первой серьезной встрече с читателем.

Хочется верить, что встреча эта будет сердечной и потому взаимно счастливой.

Валентин МАХАЛОВ

ПУТЬ

У РЕКИ

Одолев перевал, я на камни упал у реки
И, обрызганный солнцем, росой и рваною пеной,
Прохрипел, обессилев, в отчаяньи сжав кулаки:
- Сколько лет ты, река, манишь сладкоголосой сиреной!

Я внимал твоим песням, а нынче труби мне отбой.
Отпусти мою душу, послушай, ведь это нелепо:
Без конца затевать перебранки и ссоры с судьбой,
Захудалый сухарь грызть под пологом звёздного неба.

Я кружил по увалам без сна, не жалеючи стоп,
С пересохшею глоткой... Ах, реченька, кто завещал мне
В буреломах судьбы всё плутать без зарубок и троп,
Чуть заслышав твои укоризны и увещеванья...

И рекла мне река:
- Я не знаю, что в сердце моём
Твои чувства и горькие мысли искали.
Посмотри, я сама обезумела в каменном ложе своём,
Посмотри, как изранила белое тело о скалы.

Но я счастлива тем, что, гранитные горы прорыв,
Обрела берега и несу ледниковые воды.
Ведь и я откликаюсь на дальний могучий призыв
Поглощающей нас океанской последней свободы...

И шептала река:
- Ты расслышал мои голоса,
Но понять не сумел или я донести не сумела:
Возрастает душа, как легчайший туман в небеса,
Между тем, как ползёт под уклон бесшабашное тело.

Не в кремнистое ложе тебя завлекаю – в полёт,
Где безбрежен простор, где туманы всегда бирюзовы.
Откликается тело на зов океанских широт,
Но восходит душа на иные – небесные – зовы...

* * *

Уйду, река, ты только повели –

В траве по грудь, до самого слиянья
Своей мечты с притоками желанья,
С небесными сполохами вдали.

Там горные пионы расцвели,
Сиреневыми чашами сверкая,
И, в плёсах отражённые зеркально,
Вцепились пихты в краешек земли.

Там на порогах, в ледяной крови,
Вскипает страсть, терзающая камни,
И с той же страстью хлещет плавниками
Таймений царь – помазанник Любви.

И пусть на час, но в мировую плоть
Огня и камня, и воды – глубоко –
Войдёт душа, побудет у истока,
И всем страстям её не расколоть!

* * *

О. КУРОЧКИНУ

Тоскуешь и ты, человеке,
В растяжке небес и земли,
Когда улетают далече
С последним «курлы» журавли.
Поймёт и простая осока
Словечко в одном падеже,
Но клинопись в небе высоком
О многом напомнит душе.
Не смрадом на рынке постылом,
Не бранью в торговом ряду –
Поэты стихом белокрылым
Дышали в горячем бреду.
От черни – клеймо окаянства
На душу и потную плоть
За то, что глядели в пространство,
Кулак расщепляя в щепоть.
За то, что в лугах наважденья
Искали цветок астрагал,
И духом росли – в растяженьи
Земных и небесных начал.
А сколько похмельных, повинных,
Свой дар закопавших в песок,

Бросалось за кличущим клином,
Стволом остужая висок!
Бросаться – так в Русскую Реку
Под выгнутым Млечным Мостом,
Тельцу ненасытному – веку –
Напомнив о сне золотом.

ТАЙМЕНИ

Сильна Мрассу: перетирает спины
Придонным глыбам в жёлтые пески.
Но нипочём прижимы и стремнины
Тайменям – покорителям реки.

Таймени! Подскажите для знакомства:
Кто освятил исконный ваш обряд –
Уйти к истоку, вывести потомство
И возвратиться вновь под пережат?

И кто же мы: враги иль побратимы?
Замру на миг, светлея от тоски...
Идут таймени – и неукротимы
Их непроглядно-чёрные зрачки.

Вот снова хлещут красными хвостами,
Играя силой, радуясь борьбе.
Как будто говорят: иди за нами,
Исполни всё, что суждено тебе!

Увы, таймени, знаю: нет возврата
На золотые плёсы... И пока
Стремитесь вы к любви, - у пережата
Открыли пасти сети рыбака.

* * *

По росным травам, вымокнув до нитки,
До пережата лодку повлеку,
И захрустят галактики – улитки
Под сапогами в ягодном соку.
Вовек мне древней страстью не упиться.
Блесна, как нож, сверкнёт из-под полы.
Готов я, заговорщик, на убийство
Царя реки у мраморной скалы.
Под лодкою стремнина заклокочет,
Качнёт опоры Млечного моста,

И красною слезой замироточит
Предутренняя горная звезда...

* * *

Ни зарубки, ни тропки убогой,
Ни огня, ни плакучей звезды...
Друг, давай перед дальней дорогой
Посидим у гремящей воды.

Вот краюха прогорклого хлеба,
А в придачу – охапка колбы.
И пускай, колыхаясь в полнеба,
Застят свет грозовые столбы.

Мы крылатую рыбу искали,
Пробиваясь в верховье реки,
И река свое тело о скалы
Все кромсала, рвала на куски.

Но смыкались бессмертные воды,
Яро грызли кремнистое дно,
Чуя северный ветер свободы,
До которой идти суждено.

Друг, отбрось сожаления эти
О тропе, о звезде вдалеке...
Сядем, выкурим по сигарете –
И айда по гремящей реке.

* * *

Свобода – выбор. Выбор и не боле.
Поступка, слова, женщины, пути...
Куда летишь, душа, в своей неволе?
Что ты в глуши пытаешься найти?

Быть может, ты шарахнулась от сходства
Деляги, властолюбца и льстеца,
Принявших рабство своего уродства
Под маской благолепного лица.

Куда идти и как – вот грозный выбор.
И в сущности, в своем добре и зле,
Бродяги по Находку и по Выборг
Все ищут Китеж, канувший во мгле.
Но без любви все тропы безнадежны.

И ты, душа, усталая, зачем
Ушла с родимых пажитей и пожней
В таежную нехоженую чернь?

* * *

Уйду, друзья, как пилигрим,
Хоть к Лаперузову проливу!
Рассвету подивлюсь, как диву.
Быть может, я вернусь другим.

Юродствуй сирым и нагим,
Зачахни над томами Сартра.
В кого мы разовьёмся завтра?
Я знаю, что вернусь другим.

Не в ад с намереньем благим,
Не от себя бежать хочу я, -
Мы все идём, судьбу почуя,
И возвращаемся – к другим...

* * *

Сизарь, растоптан, на асфальте
Лежит, откинувши крыло...
Со злом большим не можем сладить,
Но не бывает малым зло.

Страшней оно, когда обычно.
И вздрогну я, когда у ног
Садится шумно и привычно
Доверившийся голубок.

Я знаю, если поединка
Не выдержит добро во мне, -
Не избежать и мне ботинка,
Прошедшегося по спине.

СНОВА

Снова ветер в разбойничьем свисте –
Самый злой из седмицы ветров –
Погребальные скопища листьев
Гонит прочь из родимых дворов.

Снова топот внезапных побудок,
От которых шалеет солдат.

И вороны от долгих погудок
Над полями, как нежить, хрипят.

Снова сирюю нищенкой совесть
Приютилась под барским крыльцом.
И людские сердца, перессорясь,
Налились беспощадным свинцом.

Снова – верую! – все пересилит,
Словно взятая из потая,
Терпеливая баба, Россия,
Лишь мужицкая воля твоя.

У ЗАБОРА

Что ты хочешь, бродяга, понять?
Вот стакан и бутылка «Кагора».
Ты философ? А может быть, тать?
Посидим в мураве у забора.

За краюху, за сыра кусок –
Ты скажи мне, ловец многоножек –
Размозжил ли кому-то висок?
Для чего тебе кнопочный ножик?

Впрочем, выпей и спой мне, браток,
Как плывет омулевая бочка.
Пусть по сердцу хлестнет кипяток
Застарелой тоски... Недалечко

Уплыла эта бочка-корабль,
Провонявшая ржою омульей.
Это ж мы опрокинули трап,
В пьяной драке Россию пырнули.

А теперь... Что душою кривить,
Ножик твой не острее разговора.
Будут в сердце клешней шевелить
Метаастазы стыда и позора.

Снова будем рыдать да блевать
В ржавой бочке, в шикарной каюте?..
Нет, браток, ни Россия, ни мать
Не простят – при последней минуте.

СОН У БАБУШКИ

Наелся я вареньица и сливочек снятых.
На сон поведай, бабушка, как прежде, о святых.
Как довелось угодникам за веру пострадать.
Прилягу я на старую железную кровать.
И снова мне услышится негромкий голосок:
«Куда мы, тятя, тятенька?» «Спи, доча, путь далек.
Знать, кто-то позавидовал мозолям всем моим.
Идем на поселение в пропащий край Нарым».
Как наяву привидится к попу ночной побег.
Разбойно режут розвальни живой визжащий снег.
Не по себе бегляночке, а он – огонь в крови.
Благослови их, Господи, хоть ты благослови.
Но вот, уже супругами, они назад летят:
«Простите нас, родители!» И плюнут да простят.
Бог милосерд и милостив к измученным виной.
Троих детишек нажили как раз перед войной.
Как из тумана выплывут сибирские тылы –
Бараки, боксы, беженцы и скудные столы.
Увижу стены белые, кровать и чью-то тень:
«Проснется ли, сердешная? Пошел четвертый день».
Проснулось тело брренное, но, словно в клетке, в нем
Душа еще помечется болезненным огнем.
Но выдюжит и выживет и душу сбережет.
Последняя картошечка ладони обожжет.
Прижмет детей порывисто: «Нам люди подмогнут!»
Три огонька в подсвечнике надломлено мигнут.
Судить ее, страдалицу, не нашему уму.
Сошьет себе холщовую сиротскую суму.
Есть в людях милосердие, коль у чужих ворот
Им подавали хлебушка в тот исхудалый год.
А дети еще вырастут, и жизнь пойдет на лад.
Ты расскажи мне, бабушка, о том, как страшен ад.
Ты расскажи мне, бабушка, мне это нужно знать,
Как довелось угодникам за веру пострадать.

ВАСЯТКА-НИЩИЙ

Тряся баян, Васятка-нищий
Взгляд отведет немного вбок:
Не подадите – Бог не взыщет,
А подадите – дай вам Бог.

Но целит глаз, его не выдав,

Вослед скупому богачу:
«А по тебе от инвалидов
Я заказал уже свечу».
Рыбарь у берегов опрелых,
Он стережет людской поток.
Что ему дом для престарелых,
Кирпичный дворик да паек.

Он тайно ведает: судьбою
Ему назначено своей
Неузнанно являть собою
Судью среди земных судей.

Презренье, жалость иль подмогу –
Все отмечает тусклый взгляд.
И отмеряет в пику Богу
Кому на кладбище дорогу,
Кому с золотниками клад.

* * *

А ночь под ритмы ресторанные
Уже пошла нараскоряк.
Хохочут одалиски пьяные
В объятых денежных гуляк.

Хохочут, плачут и надеются,
Что меж застольных суматох
Душа когда-нибудь согреется,
Пустив себя на самотек.

А елка, тихая и жалкая,
В чужом невиданном пиру
Стоит разряженной весталкою
И не включается в игру.

Она разменяна на рублики.
Не поскупились в похвале
Ее продавшие порубщики,
Похлопывая по хвое.

И вновь кого-то хваткой соболя
Упорно держит чей-то взгляд
И на весу дрожит особенно,
Как поданный в бокале яд.

И вновь над шалыми пирушками
Взлетают блески мишуры,
И хохот ахает лопушками,
Пугая красные шары.

В КАФЕ

Среди ухмылок, плотоядных взглядов,
Под выдохи полуподвальных ядов
Красотка юная еще цветет, шалая, -
Как орхидея, срезанная для

Стальных сердец, прикрытых пиджаками,
Ворочающих глухо наждаками...
Но взгляд ее за влагою желез
Дрожит восторгом трепетных стрекоз.

Не поняла пока еще кокетка,
Кто кукловод, а кто марионетка.
Вновь тайную таблетку проглотив,
Она красиво пьет аперитив.

Сейчас начнет смеяться, куролесить,
Забыв, что нужно возвратиться в десять.
И к ней подсев, завяжет разговор
Интеллигентный с виду сутенер.

Давай сбежим, девчонка-орхидея,
Едва расцветшая под знаком Водолея,
От всех химер прокуренной норы –
Под майский дождь, полощущий дворы!

ПАДЕНИЕ

Из окна общежития,
Где девятый этаж:
- Натяну кровиночку!
Небо вздрогнуло аж.
Не избавил от прошлого
Сокрушительный миг,
Но позвал повелительно
Сына тающий крик.
- Стойте, женщина, женщина!
В ужас крики слились.
Прохрипела, кромешная:

- Грязный мир, провались!
Сбросив крест опостылевший, -
Тяжело под крестом, -
На прощание крикнула:
- Пусть задавит грехом!
Тело в платье поношенном
Глухо принял асфальт.
Бился в воздухе сорванный
При падении плат,
Как душа, возопившая
О дороге назад...

* * *

По какому же ж это поводу:
Той – лететь в Париж, этой – по воду?

Той – блины с икрой да цветы в кровать,
Этой – стол с кутьей плакать-накрывать?

Той – наряд носить с новой брошиной,
Этой – вечно быть бабой брошенной?

Той – нахальный взгляд, непреклонный жест,
Этой – сотый ряд, номер двадцать шесть?

* * *

Февральский двор в сугробах.
Розовощекий гном
Не ходит в недотепах –
Из снега строит дом.

Спросил его всего лишь:
«А ты, товарищ гном,
Никак жилище строишь?»
Ответил: «Гастроном».

А гномик-то расчетлив,
Хоть с виду простоват.
«А строишь для чего ты?»
«Продукты продавать!»

Старается он очень,
Резиночку жуя.
Сейчас – простой рабочий,
А завтра – буржуа.

ДЖУЛЬЕТТА

Глаз закрыла немытая прядь,
В рукаве чуть дымит сигарета...
А тебе и пятнадцать не дать,
Сумасшедшего века Джульетта.
Заводилой веселой была
И зубрила сольфеджио рьяно.
Что же мама твоя запила?
Что ж замолкло твое фортепьяно?

Вновь с Ромео сомлела в ленце
У подъезда сиреневым вечером
С роковым в неподвижном лице,
При затяжке немного подсвеченном.

Посмотри: прослезился апрель,
Подглядевший случайно, наверно,
Как, забившись в гаражную щель,
Ты поила отравою вену.

Он в испуге: зачем увядать
Накануне прекрасного лета?...
А тебе и пятнадцать не дать,
Сумасшедшего века Джульетта.

* * *

А палата
Чиста и продута,
Словно белая роща...
Минута –
И душа
Тяготящее тело
Тихо сбросит,
Как лист пожелтелый...

* * *

Явился нищий среди нищих.
Он, сам не зная, почему,
Кого-то ждет, чего-то ищет
Средь уподобленных ему.
Он с краю торжища и торгова
Ушел в другой людской поток,
Где паперть, кладбище, дорога,

И, молчаливый, сел у ног.
Суму пристроил на коленях,
Оправил ремешком власа.
Пройдешь ли мимо, дашь ли денег, -
Поднимет ясные глаза!
Он в гуще нищего народа
Напишет свой Экклесиаст,
И в нем живущий ясный Кто-то
Сам что-то каждому подаст.
Кладут в его суму от века
Краюху хлеба, иль рубли,
Но Кто-то в нем от человека
Ждет только Спаса-на-Любви!
Великий нищий, среди нищих
Тебя узнаю по глазам:
Пройду ли мимо, дам ли тыщу,
Глаза поднимешь: «Аз воздам».

* * *

Хоронили мальчика без марша.
Улочкою пыльной вдоль села,
Словно перегруженная баржа,
Тяжело процессия плыла.

На венке багрово и отчаянно
Билась лента – ртицей от земли.
Говорили за спиной печально:
«Жаль мальчонку. Не уберегли».

«Шел седьмой ему уже годочек.
И отец был с ним, да вот беда:
Вдрызг напился... Утонул сыночек.
Ох, горька ты, водочка-вода».

Это были строгие старухи,
В кулаках зажавшие платки.
Как слепую, мать вели под руки.
Шел отец, руками сжав виски.

Господи, я был мальца не старше...
Ты ли спас? Везенье помогло?
... И, за гробом потянувшись, баржа
Затонула где-то за углом.

* * *

Ты плакала, мама,
Когда я летел из Ростова.
Сказали по радио:
Авиакатастрофа.
Куда-то звонила,
Все время и рейсы сверяла.
Тебя убеждали –
Ни слова ты не понимала.
Послушай же, мама,
Ты знаешь: я не из пугливых,
Но только представил
Турбин захлебнувшихся вывих...
Ты плакала, мама,
Родная, я здесь, я остался.
Я только представил...
Как я за тебя испугался!

* * *

Нас любит Бог, покуда есть на свете
И лепет трав, и разговор деревьев,
Покуда во дворах играют дети,
И всходит звезд таинственный посев.

Кто счёт открыл, кто с жизнью сводит счёты.
Но есть предел, который знаем мы.
Пусть русский жребий – только повороты
То от сумы к тюрьме, то от тюрьмы...

Но тот отмечен, кто грехом измучен,
И вырос к свету, как растёт сосна...
Нас любит Бог, - у всех его излучин
Есть и стремнина, есть и глубина.

ПУТЬ

В бурьяне, где травные струпья
И сорного семени прах,
Брели мы туда, где распутье
Распутьем лежало в полях.

Ни торной тропы, ни дороги.
Лишь стебли звенели, как жёсть,
И с грохотом падали в ноги,
Вздымая тлетворную желть.

Ни вех межевых, ни ответа.
И пусть мы брели наугад,
Наш путь в направлении света
С восхода пролег на закат.

И там, где вздымался до горла
Колючками зла сухостой, -
Вздохнула душа и отторгла
Его ядовитый настой.

Где яро хрипели о мщеньи
И глохли от грохота трав,
Простые свирели прощенья
Взошли до высоких октав.

Где бились, хмелея от гнева
В тисках одичавшей земли,
Все зерна бывшего посева
Сыновьей любовью взошли.

И разум дорогу земную
Прозрел, словно Млечную весть,
И вспомнили кровь корневую
Подземную отчую честь.

И верили: зернами хлеба
Из лучших российских снопов
Земля прорастает до неба,
До жатвы духовных хлебов.

ЖАЖДА

СНЕГ-1999

О, как прожорлив этот снег!
Жуёт асфальт, киоск, витрину,
Моста стальную паутину,
Жуёт дома, пространство, век.

Откликнись, добрый человек!
Под снегом мы неразличимы,

Тихи, безлики, несудимы
И так похожи на калек.

Там, вдалеке, не ты ли, друг,
Как арестант хмельной неволи,
Уходишь на последний круг
Земной заснеженной юдоли.

Любимая, прости, лоб в лоб
Столкнулись мы, но, Бога ради,
Считай, что нам не повезло –
Авария при снегопаде.

Как жадно издыхает век,
На ощупь слизывая лица.
И как успеть, как объяснить,
Осуществиться, если снег...

ЖАЖДА

Эта жажда во мне...
Луч блеснет в глубине
И забьется, мерцая,
В змеящихся косах стремнины.
Жадно дышит у рва
Молодая трава.
Пробегают зарницы
По зыбким небесным руинам.

Знаю: есть у грозы
Громогласный язык,
Слышат чуткие ивы
Ушами коричневых почек.
Слышит в поле зерно
И, от боли черно,
Раздвигает всем телом
Ее разбудившую почву.

Будь, гроза, слышишь, будь,
Дай всей грудью вздохнуть!
Есть в твоём откровенье
Певучее освобожденье!
Ах, ничем эта ночь
Не смогла мне помочь,
Лишь безумно играла

В душе моей светом и тенью.

ЧАС ПИК

Восемьдесят лет жизни... Суток –
Менее тридцати тысяч...
Бег по кругу – секундной стрелкой,
С тщательной регулировкой.
Зачем дребезжит будильник?
Времени нервный тик –
Час пик.

Память – склад антиквариата,
Лиц паноптикум... На старте:
Гонки с выбыванием, манна
В виде засохшей краюхи.
«Но птицею затрепещет
Время твоей любви...»
Лови!
Город под давлением неба.
Стрелка скачет у отметки
«Гипертонический криз»... финиш –
Мчащихся автомобилей...
Текущего в нас железа...
Времени смех и вскрик –
Час пик.

* * *

Мчит оголтело год-дикарь.
Я в ноябре был,
А мимо станции декабрь
Летит свирепо.

Состав недель, экспресс минут –
В экстазе гонок.
И мне из прошлого мигнут
Огни вагонов.

Вот снова литерный прошел –
Из самых-самых.
Ах, год упрямый. Хорошо,
И мы упрямы!

Поверим: врут календари.
Но где ты? Что ты?
Стучат на стыках декабри,

Уходят годы.

Уходят лучшие года,
Сплетаясь в пояс.
Откуда мчимся и куда,
Как скорый поезд?

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

В мастерской у художника –
Стол основоположника.
Загулявшим стаканом
Бита дама пикей.
Трубка с пастью звериной
Сторожит кость ставридную.
Строго смотрит из книжки
Джентльмен в парике.

- Из законов о действии
Что-то помнили с детства мы.
Что нам Ньютон, хозяин!
Приглашай вечерять!
Натюрморт – на подрамнике:
«Водка с холода. Пряники».
Рисовали экспромтом.
Можем дорисовать...

Стар хозяин, да памятлив:
- Стихоплеты! Пожалуйте.
Птичье племя не сеет
и не жнет, а живет...
Поскребет с миной вескою
Бородищу библейскую
И замрет, откровением
Просветленный, как Петр.

В припасенные стопочки
Наливаем по сто почти.
Первый тост – за светлейших
(На планете Земля).
За Рублева блаженного,
Васнецова, Поленова...
Встрепенется хозяин:
- Вот закуска моя!

Живописными блюдами
Угостит нас – этюдами.
Что за чудо пейзажи,
Где живет Хохлома.
Вот сидит мати древняя
На крылечке... Древняя ли
Заскорбела предсмертно?
Иль Россия сама?

- Души вы ошалевшие,
Что нам ведьмы да лешие! –
Встанет дед охмелевший,
Как Боян, гой-еси! –
Путь указан не водочкой,
А заветною звездочкой.
Рано тешатся свиньи,
Бог не выдаст Руси...

Там, в пейзаже окраинном,
Погрустим мы с хозяином.
Постоим у церквушки,
Побредем через лог.
- Да, равна сила действия
Силе противодействия, -
Вдруг прошепчет художник,
Повторяя урок.

* * *

В.Зевакину

Уколет цветущий шиповник, -
И кровью в бушующий сад
Художник, ревнивый любовник,
Прольёт киноварный закат.

Укол растирая тоскою,
Он вложит невольно в мазок
Сурьянный синяк над рекою,
Краплаковый кровоподтёк.

И женщина в белом по кромке
Шагнёт, отражаясь в реке,
И волны накатят, как волки,
Берущие след на песке.

РЕПЕЙНИЦА

О, бабочка-цыганка,
Сужай свои круги,
Горячим танцем Ганга
Глаза мне обожги!

Пьянея в страсти шалой,
Тряси передо мной
Краплаковые шали
С умбровой бахромой.

Не охрой Пиросмани
Палитру напоил,
А озорством миганий
Твоих глазастых крыл.

Когда задремлешь кротко
Под веткою в тени,
Шепну: еще, красотка,
Репейница, зевни...

На салаирском камне
Горит еще сильнеей
Монист каленый кадмий
Прародины твоей!

КАРТИНА

Конечно же, витрина – не картина,
Но вспомнил я дождливого Моне,
Когда в витрине юная фемина
Водой в стекло – в лицо плеснула мне!

Проспект – не галерея. Это ясно.
Но лишь вода причудливо стекла, -
Вдруг повернулась девушка и властно
Улыбкою Джоконды обожгла!

Про всё забыв, стою у магазина,
Глазею на сверкающий портрет...
И вроде, витрина – не картина,
Не галерея, вроде бы, проспект...

* * *

Повсюду приникли к обоям
Обоймы внушительных книг,
А он, привыкая к запоям,
От них понемногу отвык.

Он, что-то твердя о Голгофе,
Наклонит дрожащей рукой
Кофейник – коричневый кофе
Прольется на том дорогой.

Обид не носил он обузы,
Был великодушен и смел...
И лишь легкомысленной музыки
Измены простить не сумел.

* * *

А, может быть, не надо слов
Вертеть в калейдоскоп.
И, как основу из основ,
Вбить в балку пару скоб.

И в пляс идти и соль делить,
И исполнять посты.
И жизнь себе уж тем продлить,
Что поливать цветы.

И всё земное полюбить
За зной, за терпкий пот.
И на земле отбив, отбить
Куда Господь пошлёт.

У РЕСТОРАНА

- Подруга, я поторопился,
Чтобы сказать: твой нежный взгляд
Похож на гавань, где у пирса
Совсем недавно приютился
Побитый бурями фрегат.

Полоска порванного флага
Висит над трюмом потайным.
Что он привез, морской бродяга?
Жемчужный дождь с архипелага?
Нектар из роз? Шафранный дым?

- Дружок, другое получилось:
Душа твоя в глазах моих
Без искажений отразилась.
Что за душой, скажи на милость?
Оплатишь столик на двоих?

НАСТРОЕНИЕ

Лечь бы камнем у камней,
Что во мхи вырастают глухо.
Позабудет путь ко мне
Муза зрения и слуха.

Звука не произнесет,
Затвердев, гортань немая,
Грудь мою переползет
Плющ, объятия сжимая.

Робко выбьется родник
Из базальтового горла,
Залопочет, безъязык,
Монотонно и покорно.

Не услышу, как зерно
Раздвигает телом почву,
Не почую шар земной
Под собою и воочию –

Камень посреди камней –
Не увижу звездной пыли,
Взбитой метлами комет...
Братья, серые, слепые,

Уж, конечно, не осудят
Не имеющего глаз.
Камни, братцы, то-то будет
Славно, серому, среди вас!

* * *

Как слепая нищенка,
Шаркая клюкой,
К сердцу подбирается
Неживой покой.

Где ты, тень крылатая,
Отмахавших дней?
Ни огня, ни отзвука
В глубине моей.

Глубина январская.
Шарканье клюки.
И опять незрячие
Тихие шаги...

* * *

От слов ее – играющей плотвы –
Отяжелеет бредень головы.
То ль ревностью, то ль жалостью пытается.
И, наконец, пойму: надоедает.

Зайдет сосед и, горло промочив,
Не прерывая свой речитатив,
Заезженной пластинкою пытается.
Ужель себе он не надоедает?

Безмолвия дрейфующая льдина
Иль новостей холодная лавина –
Не все ль равно?.. Когда снега не тают,
Они смертельно мне надоедают.

Охота из охот: навскидку, влет
Бить дни и ночи, не ведя им счет.
Но давит сердце легкая добыча –
Убитые любовь и песня птичья.

Заледенею в вежливых словах,
С самим собою буду не в ладах.
Надоедает. Все надоедает,
Когда не плоть – душа надоедает.

* * *

Твой выход, пава молодая!
Забейся у судьбы в горсти
И, в русском танце расцветая,
Сумей саму себя спасти.

Забудь, что било и давило –
Монаший быт, монарший кнут, -
Отныне все, что сердцу мило,

До крови не перехлестнут.

Среди оваций, брани, визга,
С задворков, где гуляет смерть,
Твой выход, милая артистка,
В том, чтобы жить,
В том, чтобы сметь!

* * *

Хоть трижды эту ночь крести –
Не уберечься от догляда.
Двор, улица, решетка сада...
Свернуть, газон перебрести.

И подглядеть, едва, на миг,
В причудливой волшбе витрины,
Как проскользнет за чьи-то спины
Неуловимый твой двойник.

Найти себя и вновь в себе
Сыграть то в салочки, то в прятки.
И обернуться, как Голядкин,
Слегка запнувшись при ходьбе.

И воротник подняв, сильнее
Рвануть по парковой дорожке
И чувствовать, как ветви-кошки
Хватают лапками теней.

«Прочь бледнолицый пессимист! –
Кричать в пространство. – Ты несносен!»
Похолодеть от мысли: осень?
И снять с лица прилипший лист.

* * *

Звукам внимает
Притихший лицей.
В мундирчике узком и куцем.
Пушкин читает.
Глаза на лице –
Маслины на блюде.

Пушкин читает,
Пиит озорной.
Державин, пропевший о Боге,

Слух наострив,
Привстает за столом
В ребячьем восторге.

Чует Учитель,
Сжимая уста,
Как впереди нарастает,
Дышит Грядущее,
Тоже привстав...
Как Пушкин читает!

* * *

Не гадали, не ждали,
Но раскинул циклон
Белоснежные шали,
Все тропинки и дали
Согревая теплом.

Бескорыстен и молод,
Лишь добра он желал
Всем на свете! И в холод
Занедуживший город
На глазах оживал.

Так и мне б в этом мире
В чью-то душу упасть
Теплой нотой в клавире,
В циклоническом вихре
Налетавшейся всласть.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Возьмите для души у вербы
То, что проклюнулось внутри
Ее туманной влажной сферы
Текучим отсветом зари.

Едва веселою толпою
Лучи примчатся налегке, -
Она вспорхнет над скорлупою
Птенцом в сияющем пушке.

В любовь поверившая верба
Свет заструит то здесь, то там
От почки к почке, как по нервам,

Вверх по ветвям – и к небесам!

Неизъяснимое в природе,
Кочуя вдаль издалека,
Забьется в ее легкой плоти
Предощущеньем языка.

Что это будет? Покаянья,
Прозренья, удивленья свет?
А может, жажда пониманья,
Которой утоленья нет?

Внимая вьюгам, верба эта
Молчала долго – и опять
В воскресных судорогах света
Готова звуки исторгать.

АРХИВНЫЙ СНИМОК

На архивном снимке, весь из светотени,
Смотрит хулиганивший на Москве поэт.
Чуть ему за тридцать... Ах, Сергей Есенин,
Холодом побитый яблоневого цвет.

Куст волос, увядший от сердечной боли,
И на лбу морщинки чувственных страстей...
Как жестоко «режет серп колосья» в поле!
Так же, «как под горло режут лебедей».
И одутловатость, и глаза, как в дымке...
Думы, его думы! Не берет их хмель
Оттого, что пали на поля озимки,
Полетела тройкой белая метель.

Только что-то клену под метель не спится,
Грезится, что в кроне птицы гомонят,
В паровозной гари жеребенок мчится,
Сохнувшие вербы у дорог стоят.

Русская погода – холода да морок,
Оттого «на сердце изморось и мгла».
Что бы написал он, ну хотя бы в сорок?
Проскрипит об этом старая ветла...

На архивный снимок я гляжу смятенно:
Дышит напряженьем поза в полуфас,

Кажется, мгновенье – и ножом по венам
Человек тот черный полоснет сейчас!

Я гляжу то робко, то, отчаясь, смело:
Свет сочится тускло, серый фон портьер...
Словно этот снимок кем-то тайно сделан
В комнате зловещей дома «Англетер».

АППЛИКАЦИЯ

Вот рук её вспорхнула птица
И только встала на крыло, -
Из клюва ножниц на страницу
Упало солнце... и взошло!

А следом сказочное древо
Свалилось шумно... и встаёт!
За деревом и лесная дева
Уже свершает перелёт.

Летит диковинная птаха
И разевает жадный клюв.
И падает медведь, от страха
Все свои лапы подогнув.

Он – карлик. И ему сраженье
С летучей мышью предстоит...
Работает воображенье
У той, кто этот мир творит!
Она летает без опаски,
В её глазах – сплошной восторг...
Спасибо, девочка, за сказку,
Что добру молодцу урок.

МАЛЬЧИК И СИНИЦА

Сказал мне соседский мальчонка,
Ловушкой синицу маня:
«Поглажу ее, как котенка,
И птица полюбит меня».

Сумел сорванец исхитриться.
Смеялся, когда перед ним,
Как мячик упругий, синица
Скакала по прутьям стальным.

Накрыл он ладонью воструху
И пальцы сомкнул не спеша.
Но яростно горсточка пуха
Забилась, как чья-то душа!

В смятенье, с улыбкой натужной
Он долго смотрел, присмирив,
На глаз немигающих ужас,
На клюва раскрытого гнев.

Сказал я, мальчика утешая:
«Любил я синицу одну,
Но птичьи права уважая,
Подбросил ее в вышину!»

АЭРОПЛАН

Я видел в детстве только раз
Те кадры хроники: витками
В холсты затянутый каркас
Парил, снижаясь над песками.

Он пролетал невесть куда,
Наверно, где-то под Ташкентом.
И вот – остался навсегда
В капризной памяти зачем-то.

Был в кадре мудрый аксакал.
Он говорил... И знал я точно:
О том, как с неба помахал
И улыбнулся людям летчик!

Он словно мне махнул рукой
В краю арыков и верблюдов,
Где – ясно же! – полет такой
Был настоящим жутким чудом.

И представлял я, как ползла
По робким душам плетка страха.
Недаром же кричал мулла,
Пророча гнев большой Аллаха.

Но все смелей, три дня подряд
О чуде спорили дехкане.
Упрямо грамотный Фархад

Им толковал об «араплане».

Все чаще жены поутру
Так, чтоб мужья не увидали,
Отбросив черную чадру,
Глядели в призрачные дали.

И, бороды сгребя в кулак,
Смотрели старцы, долго, чинно,
Как шили дети кое-как
Всем скопом птицу из овчины.

В кострах дымились кизяки...
И грезилось мне в свете зыбком
Тот дружественный взмах руки
И та – широкая – улыбка.

* * *

Ни луча не упало
В глубь туманных рябин.
Только сумрак устало
Между веток рябил.

Оседали осины
Под накрапом в отвес...
Я вошел в этот синий
Всеми брошенный лес.

Падь слежавшихся истин
Ворошил, проходя
По мозаике листьев
Под шуршанье дождя.

И мечталось мне снова,
И хотелось опять
Звуки нового Слова
Отыскать, как опят.

ХОЛМ

Спит на лежанке мальчик пятилетний.
Пересекая комнату, к плечу

Струится пыль по желтому лучу.
И ссадинами круглые колени
Задорно смотрят из-под одеяла.
Так ласково. Так бережно вчера
Их лучшая из женщин укрывала...
Светла, малыш, легка твоя пора!
Ты помнишь: бабочка над маками порхала,
И бабушка в подсолнуховый лист
Брала малину... Запах сеновала
Дразнил... Ты слушал дальний пересвист
Дроздов... Ты слушал. Как в тиши колодца
Звенит ведро, не достигая дна,
Как хлопает сырая простыня,
Как пес, хрипя, с цепи железной рвется...
Едва проснешься – все опять вернется:
Игрушки, солнце, в ковшике вода...
А бабочка в стекло упруго бьется
И вырваться готова в никуда.

СМЕХ И СЛЕЗЫ

Ветра прохладные юркие змейки
Лопают теплые белые пенки
Майских черемух, а на скамейке
Плачет мальчишка, обнявши коленки.

Мимо бегут и хохочут девчонки,
Нюней и плаксой его обзывают.
Прыгают весело длинные челки,
Недоуменно глазенки сверкают.

Плачет... Торчат озорные кудряшки.
Слезы старательно с носа стирает.
А воробьи на асфальте в пятнашки,
Как первоклашки, азартно играют.

Взрослые! Верьте, совсем не случайны
Горькие слезы, где плавает полдень,
Весь испещренный звонками, лучами,
Смехом флажков на речном пароходе.

ОКРАИНА

Резвились бабочки, как дети.
Пацан за ободом бежал.

И обод, палочкой поддетый,
От удовольствия визжал.

Пел петушишко, как в удавке.
Тянулось солнце в полусне.
Старик в потертой безрукавке
Сидел на тесаном бревне.

Рябина была сквозь штакетник.
Наличник глупо голубел.
И хмурый кот хотел к обедне
Хоть одного из голубей.

Брежал кобель на злом жаргоне.
Сушились на плетне горшки.
Из пыльных ям, как из жаровен,
Курей торчали гребешки.
Клонилось солнце к перелеску.
Мычало стадо за селцом...
Сидел старик, и было не с кем
Ему обмолвиться словцом.

ОТРОЧЕСКИЕ СТРОКИ – 1971

1.

Как да кап – один мотив
У капели звонкой.
Но как девственно красив
Ее голос тонкий.

Мне навстречу малыши
Катятся цепочкой.
Вот попробуй опиши
Эти колобочки...

Так хочу я после бурь,
После зимних страхов
Бросить в светлую лазурь
Фейерверки маков!

Мне дышать совсем легко
Воздухом и светом.
Где-то в небе высоко
Заскользило лето.

Взгляда гнутую уду
Размахну до солнца.
В небе – голубом пруду –
Разбегутся кольца!

2.

Вдарил дождь, предвестник лета,
С солнцем ласковым смешался.
Средь игры воды и света
Гром разбуженный раздался.

Я люблю лучей метанье,
Озаренье, ливень в свисте,
Поднебесья трепетанье,
Дробь воды по мокрым листьям.

В рощу, в рощу! Дождь – как душ.
Травы – разве не мочало?
Я с разбега в свежесть луж
Окунулся для начала!

Поголял такую малость,
Кажется – одно мгновенье.
О друзья, теперь мне радость
Вся – в малиновом варенье.

3.

В серый морок приодета
Милая сторонка.
Отыграло бабье лето
Паутинкой звонкой.

Холод крестиком впотьямах
Лужи вышивает.
Тает днем узор в лучах,
А порой не тает.

А однажды я проснусь:
Тю! Скажи на милость,
Где та серость, где та грусть?
Все переменялось.

Бедный выткался наряд.
Небо – синь атласная.
Ох, рябины как горят!

Белое и красное!

КОТОКЕЛЬ

(Котокель – озеро в Забайкалье)

Здесь калачиком грелся
Между гор Котокель.
Месяц в воду гляделся
И дробился о мель.

О камыш плоскодонка
Сонно тёрла бока.
Как мизинец ребёнка,
Ночь была коротка.

Сдвинув занавес споро –
До последней звезды,
Прыгал луч гастролёром
На подмости воды.

Котокельное лето!
Не поднять головы
В волнах озера, света,
Сопок, неба, травы!

Доски чёрного пирса
И гряда облаков
Уплывали в эскизы
И наброски стихов.

Бот рыбацкой артели
Зарывался в волну.
Гасли все акварели
И сливались в одну.

Над деревней кренился
И скрипел журавель...
Под рукою искрился
Сонный кот, Котокель.

УТРО

Туман, чуть потянувшись в лени,
Упал в траву... Зазеленел.
Конек буланый в отдаленьи

Басистым боталом звенел.

Знахарками лесными, грозно
Дохнув прохладой на костер,
Забормотали ели, сосны
Какой-то древний заговор.

А солнце, ясное на диво,
Раскидывало свой шатер.
До самой верхней ветки ивы
Паук тянул фуникулер.

И на волне тепла паденка,
Повелеваясь ветерку,
Легко, как белая поземка,
Ложилась в тихую реку.

* * *

Понять: тебе не по дороге.
И, сиганув с грузовика,
Идти, свободным, по протоке,
Где под ногами – облака.

Свои победы и потери
Перетряхнуть на той меже,
Где так захочется поверить,
Что этот мир – в твоей душе.

Что живы поле, гомон грачий
И эти юные хвощи,
И стрекоза, что в танце брачном
Фольгою крылышек трещит.

Услышать, как гонимый жаждой
Лось пробирается к реке.
Движенье сока в ветке каждой
Вдруг ощутить, как пульс в руке.

Так что же мы такое ищем,
Каких страстей, каких наград?..
Не страшно оказаться нищим,
Который миром и богат.

* * *

В. Баянову

Выйду в ночь, постою у калитки.
Начинает в больших тополях
Салаирский соловко с прикидки
В два коленца на полутонах.

Помолчит в тишине полуночник
И покатит ещё и ещё
Вдоль по улочке чётко и сочно
Своих трелей присвист и прищёлк.

А луна, проливаясь, искристо
Тополиные кроны златит,
Словно на выступление солиста
Позолотой играет софит.

Знаю: было и будет, кочуя –
Лунный свет, соловьиная песнь.
Но ещё раз, ещё раз хочу я
Убедиться, что всё это есть.

* * *

Я знаю, душа человечья
Тоскует, а не журавли,
Что улетают далече,
За край осиянной земли.

В стихах и холстах пасторальных
Грустны и печальны они,
О клинопись слогом парадным
Другое мне скажет о них.

Не жаждут они постоянства.
Чужда им земная тщета.
Могуче зовет их пространство,
Берет в оборот высота!

Друг друга покличут походно
И, шеи расправив стрелой,
Рванутся легко и свободно
И поплывут над землей.

И я пролежу без движенья
В опавшей траве допоздна,

Впервые закон притяженья
Тоской притяженья назвав.

ХОЛМ

А поздней осенью на родине
Дыханье перехватит – вглядываешься
С холма в дымочки огородные, -
Как в книгу всовываешь вкладыши.

Или продавливаешь клавиши.
Сорока ли с креста спланирует
На старом порыжевшем кладбище,
Иль мотоцикл на тропку вырулит, -

Всё слышишь звуки фортепьянные.
И тихо-тихо, извинительно,
Всё кружишь светлыми полянами,
Как лист опавший, лист медлительный.

* * *

На озябшие тропы набросили
Жар одежек своих тополя.
Сожаленья разбойницы-осени
Принимаю безропотно я.

Вся душа моя ветром иссечена,
Излупцована плеткой дождя...
Стала осень смирна и застенчива
В побледневшую даль уходя.

Видно, спорил я с нею до времени
И, вдыхая туманную взвесь,
Понимаю ее примирение,
Как последнюю грустную весть.

* * *

Листья снулой рыбешкой застыли
В черных лужах, морозцем залуженных.
И вороны хвосты опустили,
Индевея на ветках простуженных.

Псы цепные – и те не залают,
Хоть бросай в осовевших булыжники.
И надолго следы оставляют

Самолеты – небесные лыжники.

И душа онемает до дрожи
Вместе с этой землей цепенеющей.
Но лишь только до светлой пороши,
До метели, поземкою веющей!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

- Ох, приехал! Да когда же?!
Стал мужик совсем ты, ишь!
Засиделась я за пряжей,
Глядь в окно, а ты бежишь...

Молча слушаю бабулю,
Улыбаюсь до ушей.
- Словно чуяла – кастрюлю
Наварила утром щей.

Ты, соколик, на поправку
Приезжай почаще к нам...
Шумно я сажусь на лавку
И гляжу по сторонам.

Фотографии на стенах.
Стол, лежанка, печь да ларь.
Все-то здесь без перемены.
Все по-прежнему, как встарь.

Се знакомо, все, как в детстве.
Сердце млеет в теплоте.
Словно вновь я в малолетстве,
Словно дни вернулись те.

А бабуля все хлопочет:
Чем бы угостить вкусней?
Чайник на плите хохочет,
Вспомнив радость прежних дней.

Щи хлебаю и внакладку
Пью из кружки чай с парком.
Котофей у печки лапку
Моеет красным языком.

- А у нас тут, слава Богу,

Было тихо и светло.
Забуранило немного,
Вон в окошке замело!..

Через час, сморенный чаем,
Разговором да теплом,
Я блаженно засыпаю,
А со мной и старый дом.

Лишь пурге одной не спится,
Завывает за стеной.
Жаль ее: не возвратиться
Никогда ей в дом родной.

* * *

Там, в рождественском окне,
Ледяные бьются птицы,
Плещут талую водицу
В синем маленьком пятне.

Наклоняюсь я к окну:
Что за чудо, тает стая,
Торопливо улетаю
В законную страну.

Ах, и сам я снова, снова
Улечу за стаей чувств,
Чтобы выдох нежных уст
Пить, как мед молитвослова,

Чтоб в девчоночьих очах
Угадать приметы святок –
Свет иконы, смех колядок,
Тень гаданий при свечах...

ЗВОНАРЬ

Над садом и каменоломней,
Где потный люд к земле приник,
На возрожденной колокольне
Звонарь раскачивал язык.

Как волновался он! Покуда
Снимали мужики леса,
Светились ожиданьем чуда

Его лучистые глаза.

Уже он чувствовал: в движенье
Язык и сам его влечет,
Как чью-то душу – вдохновенье,
Как птицу – царственный полет.

И вот раздался звон высокий,
Торжественно-певучий звон!
Печали, радости, тревоги –
Все до небес возвысил он.

И люд в саду, в каменоломне,
С трудом расправив телеса,
В высоком звоне что-то вспомнив,
Глядел с надеждой в небеса.

КРЕЩЕНИЕ В САЛАИРЕ

Опять в Салаире заносы,
Сугробы до кровель домов.
А выше – до ковшиков звездных –
Столбы оловянных дымов.

Я встану пораньше сегодня,
Когда над домами окрест
Прольется со храма Господня
В крещенскую стынь благовест.

Идут прихожане, их говор
Чуть слышен в заснеженной тьме.
Встает колыбельный мой город
На рудном высоком холме.

Иду, как при давней погоде,
Когда в бесшабашном пылу
Мне девочка в маминой кофте
Впервые шепнула: «Люблю!»

Звенит колокольный мой город.
Куда б ни уехал – зовет.
Здесь бабушка двери отворит,
Пожарче огонь разведет.

Здесь вспомню, какого я рода,

И просветлит мужика
Торжественность крестного хода
От паперти до родника.

И, как православно крещенный
В стране под названием Русь,
Пред алтарем золоченным
Неловкой рукою крещусь.

* * *

Как вольно, холмистая родина,
Дышалось в глубинах твоих –
Озёрных, сосновых, смородиновых,
Родных, ключевых, корневых!

Как больно сегодня забиться
В силках этих просек и сёл
Душой, перелётною птицей,
Познавшей разлад и раскол.

Здесь рокот органного бора
По золоту гулких стволов
Всходил высоко и соборно
Аккордом могучих басов.

Здесь луч из-за облака прыгал –
И вновь за стеной тальника
Подснежник в проталине брызгал
Парным молоком из соска.

Здесь музыка, давняя музыка
Струилась, когда под кустом
По скрипке весны трясогузка
Водила хвостом, как смычком.

Куда же теперь возвратиться?
В отвалах, на кладбище трав
Кричит перелётная птица,
Гнездовье своё потеряв.

ЛИВЕНЬ

НА КАРУСЕЛИ

Ты впереди летишь на карусели.
Колышется волна твоих волос.
О, этот вальс любовной колыбели!
Все наше счастье в нем отозвалось.

Ты вскинула победно свои руки.
В какую птицу превратилась ты?
Сойду с ума! Да за такие трюки...
Аплодисменты дарят и цветы.

И очень жаль. Что мы на расстоянье.
Тут не твоя и не моя вина.
Но любоваться – тоже достоянье,
Которому отдался я сполна.

Летишь на фоне мчащихся деревьев
И облаков... Но как же я скажу,
Что ты моя Неспящая царевна,
Летающая в цепях... Освобожу!

Я словно опьянен волшебным зельем,
И, падая, ловлю земную ось.
О, этот вальс летящей карусели!
Все будущее в нем отозвалось.

* * *

Листок запоздалый мечется
На ветке: «Умру, умру...»
Рогатый обломок месяца
Качается на ветру.

Рыдает звезда воспаленная.
Погаснуть ей в свете дня.
Но где вы, ау, влюбленные?!
Листок запоздалый – я.

Плывут над пустынным городом
Угрюмые фонари...
Мне больно сейчас от шепота,
Не надо листок, умри.

* * *

Ты каблучками до угла

Стучала так земно и гулко,
А мне казалось. Что плыла,
Небесная, над переулком.

Что в каждом облике жила
Всех облаков иноплеменных...
А ты из сотен глаз влюбленных
До доньшка тепло пила.

Ты пахла, вешняя пчела,
Нектаром неземного сада.
Но жало корчилось от яда,
Уже созревшего для зла.

ПОПЫТКА СРАВНЕНИЯ

Скажу, на чудо уповая,
Уже не справившись с собой:
Ты просто тварь береговая!
Зачем тебе морской прибой?

Переворачивает судна
Моя встревоженная грудь,
А ты спокойна и доступна –
Лишь стоит руку протянуть.

Но знаю: моему движенью
Ты не поддашься, не любя.
И мне совсем не утешенье –
Ласкать, доступную, тебя.

Касаться трепетной рукою
Твоих холодноватых плеч,
Тебя не в силах из покоя
В свое движение вовлечь.

Ты, не познавшая волненья,
Душой пока еще ничья,
Пока еще тиха, а я...
Надеюсь на землетрясенье!

* * *

Ты любишь?.. Любишь!.. Любишь...
А эта сухость щек?
От горя твои губы

Не отошли еще.
И тот, далекий, прежний,
Предавший и родной,
Еще письмо-надежду
Напишет не одно.

Обид твоих дреколье
Не сжечь и не отнять...
Но болью, даже болью
Люби, люби меня!

ПЕСНЯ

Закрыв ладонями лицо,
Шепнула: «Нам не измениться»...
И словно пролегла граница
Меж нами чуткой полосой.

А я у ног твоих сидел
С подругой верною – гитарой.
И задохнувшись болью старой,
Я тронул струны и запел.

И понемногу синева
Открылась мне за облаками.
Из сердца тонко, стебельками,
Росли нежнейшие слова.

Как будто горло мне разжал
Дух, затаившийся доселе,
Открылся грустью и весельем,
Я пел, как плакал, как дышал!

Цвели незримые мосты,
И здесь, на нашем пограничье,
Крошились льды косноязычья,
Ломались стены немоты.

Здесь, на последнем рубеже,
Уже не ведая предела,
Душа поющая сумела
Откликнуться в твоей душе.

ЛИВЕНЬ

И был нам ливень, южный ливень
В сердцебиеньях белых линий,
В раскатах грома, дрожи листьев,
Когда кричали мы: «Очисти!»

И было странно, очень странно:
Цвела покорно и бесстрастно
Земля на жарком карнавале.
А мы под ливнем танцевали!

А мы играли в непокорность,
Всем сердцем веря в животворность
Всего, что происходит в мире,
И мир уподоблялся лире,

Когда мы трогали, как струны,
Грозой натянутые струи,
Смеясь, валились в позах вольных
Под кроны молний белоствольных,

Когда безумством водопада,
И утоленьем жадным сада,
И долгой ласкою долины
Поил нас ливень, южный ливень.

* * *

Мы тайно вышли из оград
Тропой, где волхвовали тени
Промокшей до кости сирени
И спящих в тишине мансард.

Катился ливень за лесок
На склоне дальнего увала,
И с черепиц ещё стекала
Вода, поившая песок.

Взахлёб, с весёлым торжеством,
О чём-то бормоча стоусто...
И в нас пролившееся чувство
Единым было божеством.

Звучала ночь в словах, в глазах.
И мы, как звуки клавесина,

Уже несли дыханье сына
На слившихся в одно устах.

* * *

Ах, что за чудо, Боже правый,
Твой выход в яблоневый сад!
С улыбкой призрачной, лукавой
Мой перехватываешь взгляд.

Вот, шляпку придерживав рукою,
Замрешь на миг, светлым-светла...
И непонятно, что такое,
Чем ты мне душу обожгла.

И только знаю, это лето
Теперь запомнится вот так:
Ты в сад выходишь, много света,
Мой восхищенный выдох: «Ах!»

* * *

О терний висок оцарапав,
С обрыва скачусь наугад...
Подернутый солнечной рябью,
Вливается озеро в сад.

Вон мчится, крылом зависая,
Твой парусник вдаль налегке...
И лижет волна, как борзая,
Мне кровь на горячем виске.

ЧАЙКА

Долго чайка плакала,
Грудью билась об море.
Клюв разинув, падала
На крыло, как в обморок.

И пила озоновый
Воздух аж до одури.
Даже горизонтные
Потеряла контуры.

И, не зная берега,
Кроме пошло-пляжного,
Все кричала, белая,

От чего-то страшного.

Поздно же, ничейная,
Потерять изволила
Веру в назначение
Жить одной над волнами...

* * *

Она окно в листву открыла,
Вся мокрая, как от дождя.
Дышала полночь. И всходила
Над ней звезда, ее дитя.

Ночные бабочки клубились,
К звезде тянулись – и в лучах
Их тени отлетали, бились
На исцелованных плечах.

Как будто жизни потаенной
Набросок проявляя в ней,
Свет звездочки новорожденной
Ласкался с матерью своей.

ПОБЕГ

Я швырнул автомат на газон
И ударил в глухие ворота.
Вой сирены потряс гарнизон,
Сапогами заклацала рота.

И, осилив бетонный забор,
Побежал я – голубопогонник!
Часовой, передёрнув затвор,
Вбил патрон в автоматный патронник.

Не за водкой, не в злобе глухой
На пропащие дни, не в бордели, -
А к жене, а к жене молодой
Я бежал у судьбы на прицеле!

Травянистою поймой донской
Я бежал, задыхаясь от бега,
И черёмухи, охнув росой,
Проливали душистое млеко.

И в глаза мои, в глубь синевы,
Брызгал юный апрель – каждой крохой
Киноварных накрапов листвы,
Молодых одуванчиков охрой.

Ах, я знал, что в Сибири ждала
Та, чьё платье нарядней июля.
Но летела и вдруг обожгла
На излёте настигшая пуля...

Я проснулся. Ещё не затих
Гул в крови, в каждой вене дрожащей.
И «Маяк» языком позывных
Мне напомнил, что я – разводящий.

* * *

Кануны обморочных дней –
Предощущенья острой боли.
Любовь... Приказывать ли ей?
Тоска... Её ли приневолить?

Ещё не пытка, не излом –
Уже душа в предсостояньи,
Когда счастливых дней альбом
Пролистываешь в ожиданьи.

И вдруг поймёшь: она Ассоль,
Но от неё все ветры веют!
И в сердце колыхнётся боль,
Как парус, падающий с реи.

ПОЕЗД

Своей обидой, как огнем,
Тебя пытал, а ты молчала
И думала все о своем,
И что-то с болью замечала.

Когда же, плача, побежала
В толпе, вдоль серых касс, колонн,
Исчезла в глубине вокзала, -
Я погрузился в жуткий сон.

Носильщик, может быть, в насмешку,

Но, кажется, скорей всерьез
Меня поставил на тележку
И на перрон, кряхтя, повез...

* * *

И был мой взгляд тягуч, как мед,
Аморфен, но совсем не липок.
Тоска аквариумных рыбок
Текла из полных его сот.

Смещались параллелограммы
Всех окон, потолков и стен.
Я по вокзальной суете
Плыл, как расстроенная гамма.

Потом с трудом меня внесли
В Какой-то бесконечный поезд,
На полку – шварк! И успокоясь,
Но не раскланявшись, ушли.

Я, черный чемодан, лежал
Замками втягивая воздух,
Желудком клетчатый зажав
Своих болячек пестрый ворох.

А кто-то снизу все вставлял
И лысиною, как кресалом,
Все по заклепкам мне врезал он
И злости искры высекал.

Алмазом резала звезда
Окно, задернутое косо,
И бешеная муть откоса
Манила страстно в никуда.

* * *

Отчаянья горячий воск
Вливался в ослепленный мозг.
И, плача, ты опять бежала
В глухую глубину вокзала...

НАПОСЛЕДОК

А в воскресенье напоследок –
Прогулка в городском саду.

Ворочались вороны, с веток
Отряхивая дремоту.

Тумана липла поволока
К заинденевшим листьям лип.
- К твоим словам, - вздохнув глубоко,
Сказала ты, - туман прилип.

- Пойми, он просто попытался
Согреть им стынущую еровь...
Ты уходила... Поднимался
Слоистый стеганный покров

Тумана... И в глаза из сада
Уже втекал промозглый свет,
Как в линзы фотоаппарата.
Скамья с обрывками газет.

Стакан. Заплеванная урна.
Киоск на выходе, в углу.
Орудующий «фомкой» урка.
Деваха, пьяная в дугу.

И поздно было отречься
От фраз, не выявивших суть.
Но можно было просморкаться
И закурить, и повернуть

Себя на зиму, на остуду.
И щупать с дыркой карман.
И что не лжив, что жив покуда
Благодарить еще, как чудо,
Нас согревающий обман.

* * *

Не хотелось быть навязчивым –
Отошел. Занялся рифмами.
Сколько слово не оттачивал –
Все изранен был, как рифами.

Бешеный, в погоню бросился.
Ты ждала уже, опомнившись.
Раньше мучились вопросами,
А теперь все разом поняли.

Ты сюда спустилась с облака.
Там твои хоромы светятся.
Я, наверное, из омута.
Угораздило же встретиться!

Все смогла мне резко высказать.
Рядышком, а не за пропастью.
Раньше все глядела искоса,
А теперь в упор, без робости.

Не тащить же тело волоком
По траве, когда к какому-то
Рвешься ты душой на облако...
Не дойду уже до омута.

МОНОЛОГ КОМАНДОРА
(на тему «Каменного гостя»)

На этот раз я статуей, Жуан,
К тебе притопал – прямиком с погоста.
Но ты, я вижу, пьян? Издержки роста?
Хочу, любвеобильный интриган,

Тебе напомнить сразу, без затей
Подробности банальнейшего дела:
Вчера на вечеринке очень смело
Ты позабавил дорогих гостей.

Ты начал с безобидного клише,
Обычного в подобных разговорах, -
Затеял треп о модных режиссерах,
Об экстрасенсах, плоти и душе.

Потом взболтал излюбленный коктейль,
Смешав фригидность с комплексами Фрейда,
А воздержанье – со стихами Фета.
Закончил тонко: «Вылечит постель

Души томленье... Верности обет
Необязателен для плоти. Вам не странно
Такое рассужденье, Дона Анна?»
«Рассудок лжет», - последовал ответ.

И тут Лаура ляпни невпопад:
«Душа без плоти? Душу кормят мясом!»

Ты предложил магическим сеансом
Проверить небесспорный постулат.

И вот от свеч расплылся аромат
Над зевом спиритического круга,
И Лопорелло, как бы от испуга,
Обнял Лауру за роскошный зад.

Когда же пальцев чуткое кольцо
Запело током гробовых волынок,
Ты вызвал дух мой... да! На поединок!
И Доне Анне посмотрел в лицо.
«Жуан, ты гений! Я б не смог посметь!
Воскликнул Лопорелло. – Но поверьте,
Друзья мои, дух все-таки бессмертен,
И в поединке можно умереть».

Конечно, ты не верил в эту нудь,
Но был расчет: в искусстве сердцеда
Для сервировки «сытного обеда»
Немаловажно чем-нибудь блеснуть.

Мы все покорны року иль судьбе,
Когда вручаем нашу честь супругам.
И я шепнул: «Всегда к твоим услугам».
Совсем тихонько, на ухо тебе.

О, я заметил, как твои зрачки
Застыли гипсом. Это маска смерти.
Да, смерть всегда в любовной круговерти
Расставит подходящие силки.

Я был в силках! Теперь твоя рука
Забьется в каменной руке проклятья.
Что, тяжело мое рукопожатье?!
Опохмеляйся... И живи пока.

* * *

Метель февральская, гульни!
Полоскою перронною
Поземку белую гони
За черными вагонами.

Простуженной любви мотив,
Вонзайся в горло с посвистом,

Дыхание перехватив,
Как боль, как вихрь за поездом!

Пусть задохнусь и поперхнусь
Колючими снежинками,
Развей по свету повесть-грусть
С нелепыми ошибками.

О, дай перевести мне дух,
Настроив, как дыхание,
На вдох и выдох белый пух
Над залом ожидания.

Февральская метель, мети!
Стерплю твои затрешины
И за последнее «прости»
Нас разлюбившей женщины.

ЦЫГАНОЧКА

Плачь, гитара-сумасбродка,
Плачь, при звездах и луне.
Выходи скорей, красотка,
К гитаристу при огне.

Жарко юбками играя,
Узел шали развяжи.
Кто ты, кто ты, кто такая, -
Покажи мне, покажи!

Если сердцем ты остыла –
Тайных струн моих не тронь.
Если жизнь тебе постыла –
Мужний кнут бросай в огонь!

Пусть качается, как лодка,
Табор на волне хмельной.
С кем ты, с кем, моя молодка,
В степь ходила под луной?

В дрожи плеч твои мониста
Опьяняют без вина...
Под ножом у гитариста
Будет смерть твоя красна!

* * *

Далёкая моя, под небом мгlistым
Я шёл, и горизонта полоса
Плескала в поле светом золотистым,
Лаская утомлённые глаза.

Дали от троп, асфальтовой шоссейки
Под свежим снегом хрустнула стерня.
Стоял ноябрь, и где-то Серой Шейки
Сужалась безысходно полынья.

Я долго шёл – до головокруженья,
Смирив печаль, уже не наугад,
Туда, где на прощанье, на прощенье
Ещё светился чувственный закат.

* * *

На прощанье руки не пожав,
Ты ушла в безнадежную стужу.
Выжигал мне таежный пожар
До углей буреломную душу.

А теперь только воздух горчит
От дыхания пыльной полыни
На горельниках глупых обид,
На пожарищах жалкой гордыни.

Может быть, ты сегодня с другим
Пригубляешь искристые вина
И задумчиво кормишь с руки
Укрощенное пламя камина.

Ну а я на больном сквозняке
Все читаю, нетрезв и бесславлен,
Горевые стихи о реке,
На которой обугленный плавень

Все дымится таежной бедой,
Все плывет до туманной излуки,
Набухая тяжелой водой,
Разбросав опаленные руки.

* * *

Впишите, доктор, в белый бюллетень:
В потоке света, словно наважденье,

Она бежала облачную тенью
И осыпала под ноги сирень...

Она была! Но что это за мука –
Из памяти, слоистой, как слюда,
Где царствует забвения порука,
Мне звать ее из прошлого сюда!

Поверьте, доктор, страшен светопад,
Безжалостно стирающий предметы,
Движенья, голос, очертанья, меты
И уносящий все в полураспад...

КАРЛЫК

Мне курлычет далекая станция,
Где турбаза стоит в стороне,
Все о том, как сойдем, как останемся
В оглушившей тебя тишине...

Налипал на короткие лыжи
Звуконепроницаемый снег,
И казался навязчиво-лишним
наш веселый студенческий сленг.

Бился гомон вечерней пирушки:
Хохот, споры, возвышенный слог.
От друзей, поднимающих кружки,
Мы шагнули с тобой за порог.

Буреломы, леса вековые
Да продрогших небес полынья...
И тревожно, как будто впервые,
Ты взглянула тогда на меня.

Будто тайно почуяло сердце,
Что малютке-любви никогда
В этом белом плену не согреться,
Не сыскать в глухомани следа.

Пусть весной привычно акации
В заповедном краю расцвели,
Ах, Карлык, журавлиная станция,
Разлетелись твои журавли.

* * *

Ноябрь тополя целует
Снежносторожками устами...
Не замечают люди всуе,
Что тополя дышать устали.

Что тополя устали думать
И слушать этот мир и слышать.
Осталось осени лишь дунуть –
И лист уснет, последний, рыжий.

И ты заплачешь. Ты согласишь,
Что я не лгу строкой последней.
Но не измеришь, не измеришь
Усталость боли многолетней.

Ноябрь, перед тобою весь я...
Лист засыпает, знаю, знаю...
В незримой власти равновесья
По краешку зимы шагаю.

* * *

Их души на орбите парной
Мерцали тайной планетарной.
- Мой царь, отдам тебе судьбу –
В наложницы возьмешь рабу?

- А ты, а ты, моя царица,
Моя звучащая цевница,
Когда не пожалею лба,
В наложники возьмешь раба?

ТЕЛЕПАТИЧЕСКИЕ СЕАНС

- Бывший мой, мы давно отпеты.
Отгремел по нам барабан.
Мир расколот. Летят кометы –
Ведьмы, пьяные вдрабадан.

Ухватившись за луч слепящий,
Ухожу я душой в полет.
Здравствуй, бешеный, леденящий
Звездный ветер моих высот!

- Звездным крошевом небо будет

Переполнено через край.
Ветер льдистые крошки сдует –
В глаз уколется новый Кай.

Если небо куском железа
Захрипит над моей землей,
Ухвачусь я за луч, как за лезвие,
Занесенное надо мной!...

* * *

Вольному – воля, а мне – искупленье.
Душу измучило стихотворенье.
Выпачкал строки в запретной крови...
Грешница, грешника благослови!

Вольному – воля, а мне – пограничье.
Стоны, и клики, и косноязычье.
Я на ничейной лежу полосе.
Губы искусаны, руки в росе.

Я ли не жаждал немислимой воли,
Святой затворник в душевной крамоле?
Видно, любовь моя – рабство мое.
Душу мотает цепями ее.

* * *

Если обронишь колечко с алмазом,
Вспомни, гордячка, о давнем дружке.
Он погасил свое сердце – приказом
Боли в вольфрамовом волоске.

Жизнь раздробя, на порядок понизил
Твой знаменатель, и корни извлек,
И нулевым уравнением чисел
Лед наложил на горячий висок.

Что там горит над полоской заката?
Уж не звезда ли Полярная?.. Бриллиант?..
Глупое сердце?.. Но больше не надо.
Все потеряв по закону разлада,
В поисках света добрался до ада,
И возвращен был зачем-то назад...

* * *

Кричал в восторге: навсегда!

Поля. Высокая звезда.
Зеленый холм. Столетний кедр.
И ливень из небесных сфер.

Потом стонал: все – в никуда.
Овраг. Сгоревшая звезда.
Опавший холм. Усохший кедр.
И пустота иссохших недр.

И голос был: «Я навсегда!
Я твое поле и звезда,
Высокий кедр, зеленый холм,
Звонящий вечным родником...»

**ХУДОБИН Евгений Павлович,
Млечный мост. Стихотворения –
Ленинск-Кузнецкое ППО, 2002г.**